

ДИНАСТИИ

Милан (Висконти — Сфорца)

Филиппо Мария Висконти — герцог Милана

Аньезе дель Майно — любовница и фаворитка Филиппо Марии Висконти

Мария Савойская — жена Филиппо Марии Висконти, герцогиня Милана

Пьер Кандидо Дечембрио — советник Филиппо Марии Висконти

Франческо Сфорца — кондотьер³ и герцог Милана

Бьянка Мария Висконти — дочь Филиппо Марии Висконти и Аньезе дель Майно, герцогиня Милана

Чикко Симонетта — советник Франческо Сфорцы

Браччо Спеццато — правая рука Франческо Сфорцы

Микеле да Безоццо — миланский художник

Гаспаре да Вимеркате — приближенный Франческо Сфорцы

Галеаццо Мария Сфорца — сын Франческо Сфорцы и Бьянки Марии Висконти, герцог Милана

Лодовико Мария Сфорца по прозвищу Мавр — брат Галеаццо Марии Сфорцы, сын Франческо Сфорцы и Бьянки Марии Висконти, герцог Милана

³ Военачальник, заключивший с правителем договор о найме — кондотту.

Лукреция Ландриани — любовница и фаворитка Галеаццо Марии Сфорцы

Бона Савойская — жена Галеаццо Марии Сфорцы, герцогиня Милана

Катерина Сфорца — дочь Галеаццо Марии Сфорцы и Лукреции Ландриани

Лючия Марлиани — любовница и фаворитка Галеаццо Марии Сфорцы

Лукреция Алипранди — камеристка Аньезе дель Майно

Габор Силадьи — наемный убийца на службе у Бьянки Марии Висконти

Венеция (Кондульмеры)

Габриэле Кондульмер — знатный венецианец, папа римский Евгений IV

Полиссена Кондульмер — знатная венецианка, сестра Габриэле Кондульмера

Никколо Барбо — знатный венецианец, член Совета десяти, муж Полиссены Кондульмер

Пьетро Барбо — сын Никколо Барбо и Полиссены Кондульмер, папа римский Павел II

Антонио Кондульмер — посол Венеции при французском дворе

Антонио Коррер — двоюродный брат Габриэле Кондульмера, кардинал Болоньи

Франческо Буссоне по прозвищу Карманьола — главнокомандующий венецианской армией

Феррара (д'Эсте)

Леонелло д'Эсте — маркиз Феррары, сын Никколо III д'Эсте и Стеллы де Толомеи

Гварино Гварини — магистр, глава кафедры словесности и латинского и греческого языков в университете Феррары

Борсо д'Эсте — герцог Феррары, сын Никколо III д'Эсте и Стеллы де Толомеи

Эрколе д'Эсте — герцог Феррары, сводный брат Борсо д'Эсте

Флоренция (Медичи)

Козимо де Медичи по прозвищу Старый — правитель Флоренции

Паоло ди Доно по прозвищу Паоло Уччелло — флорентийский художник

Пьеро де Медичи по прозвищу Подагрик — правитель Флоренции, сын Козимо де Медичи и Контессины де Барди

Лоренцо де Медичи по прозвищу Великолепный — правитель Флоренции, сын Пьеро де Медичи и Лукреции Торнабуони

Браччо Мартелли — знатный флорентиец, друг Лоренцо де Медичи

Рим (Колонна и Борджиа)

Антонио Колонна — знатный римлянин, князь Салерно, глава ветви Дженаццано

Одоардо Колонна — знатный римлянин, брат Антонио и Просперо Колонны

Просперо Колонна — знатный римлянин, брат Антонио и Одоардо Колонны, кардинал

Стефано Колонна — знатный римлянин, глава ветви Палестрина

Зева Орсини — знатная римлянка, жена Стефано Колонны

Кьярина Конти — знатная римлянка, мать Стефано Колонны

Империаде Колонна — знатная римлянка, дочь Стефано Колонны и Зевы Орсини, жена Антонио Колонны
Сальваторе Колонна — знатный римлянин
Альфонсо де Борджиа — знатный испанец, папа римский Каликст III

Неаполь (арагонцы)

Король Альфонсо V Арагонский по прозвищу Великодушный — король Арагона, правитель Неаполитанского королевства

Дон Рафаэль Коссин Рубио — идальго из Медины-дель-Кампо, капитан⁴ арагонского войска

Фердинанд I Арагонский по прозвищу Ферранте — король Арагона, правитель Неаполитанского королевства, сын Альфонсо V Арагонского и Гуэральдоны Карлино

Изабелла ди Клермон — королева Неаполя, жена Фердинанда I Арагонского

Филомена — простолюдинка из Неаполя

Аньелло Ферраро — колодезник из Неаполя

Иньиго де Гевара — капитан арагонского войска

⁴ От *capitano* (итал.) — чин командующего войском, равный по рангу современному генералу.

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ

Миланское герцогство, замок Бинаско

Он твердо решил забраться на самый верх башни. Конечно, для этого требовалась целая вечность, но он поклялся себе, что справится. Один из солдат попытался предложить помощь, однако был испепелен на месте яростным взглядом.

Он преодолевал ступеньку за ступенькой, опираясь на костыли, как делал уже много раз. Медленно, с трудом продвигался он вперед на тонких, слабых ногах и с каждым неуверенным шагом ругался сквозь зубы, проклиная самого себя, а еще пуще — родителей, повинных в том, что он с рождения заточен в своем теле, в этой темнице боли и уродства.

Когда наконец была преодолена последняя ступенька, пот градом катился у него по лицу. Руки дрожали от нечеловеческих усилий. Он облокотился на зубцы крепостной стены, прижавшись к ним. Костыли упали на землю.

Высокая и мощная башня устремлялась в небо. Она стояла на углу замка, и с вершины открывался вид на все окрестности. На горизонте начинала проступать алая полоса зари. Пронизывающий зимний ветер взметнул в воздух его плащ. Тяжелая ткань быстро опустилась, но лишь до следующего порыва, который вновь задрал ее. Филиппо Мария запахнул плотнее, и воротник, отороченный

волчьим мехом, ласково скользнул по щекам, будто тепло льстивых речей.

Бинаско. Почти на полпути между Миланом и Павией. Чем не идеальное место для финальной части его плана? Не зря же он посвятил всю свою жизнь этим двум городам?

Филиппо Мария посмотрел вниз. Прямо под ним простирался глубокий ров. Дальше торчали голые деревья с кривыми ветками, зачоченевшими от мороза. За ними виднелись ветхие домишки и земли крестьян. Филиппо Мария повернулся, направив взгляд в сторону двора замка, где уже поджидал свою жертву эшафот. Огни факелов мерцали в розовой утренней дымке.

Он ненавидел Беатриче всем своим существом. Ему пришлось жениться на ней, потому что его заставил Фачино Кане. Тот хотел обеспечить Беатриче безопасность, защиту. Именно об этом он бормотал, захлебываясь мокротой и кровью на смертном одре. О Беатриче. Чтобы минули ее любые беды. Конечно же! И ему пришлось терпеть эту женщину целых семь лет. Семь нескончаемых лет! Он смирился с тем, что она держала его за прислугу, за недостойного, за сопливого мальчишку — его, единственного законного наследника герцога Милана, пусть и моложе ее на двадцать лет! Филиппо Мария исполнял ее приказы, терпел капризы и многочисленные унижения, которым она его подвергала. Он терпеливо, с улыбкой принимал указания жены, подпитывая при этом свою ярость, которая постепенно росла внутри него, словно детеныш дикого зверя. Придворные крючкотворы благосклонно взирали на его поведение, уверенные, что он смирился ради сохранения мира, из любви к родине и уважения к умершим. На самом деле Беатриче продали ему, будто породистую суку, в соответствии с ее собачьей фамилией⁵: ее приданое включало

⁵ Фамилия Кане совпадает с итальянским словом *cane* — собака.

четыреста тысяч дукатов, а также возможность править Алесандрией, Тортоной, Казале, Новарой, Виджевано, Биандрате, Варезе и всеми землями Брианцы. Расчет и стремление к выгоде решили дело. Благодаря женитьбе Филиппо Мария разом получил для герцогства — своего герцогства — новые земли, людей, богатства.

При этом он ни на миг не допускал мысли о том, чтобы на самом деле жить с ней. Конечно, Беатриче была еще красива, несмотря на свои сорок лет, и знала, как доставить удовольствие мужчине. Даже слишком! Но не он был предметом ее внимания. Вовсе не он. Филиппо Мария доподлинно знал, что она изменяет ему, но ни разу не сумел заполучить доказательства ее неверности. Она была хитра, эта потаскуха. Словом, он ненавидел Беатриче. Но, оставаясь в тени, считая день за днем, накапливая злобу, ждал, пока придет его время.

За шесть лет Филиппо Мария повзрослел. И пусть физически он не стал сильнее, пусть его бесполезные ноги так и не научились нормально двигаться, пусть он отрастил живот и окончательно понял, что обречен жить уродом и калеккой, однако ему удалось добиться главного, мгновенно сделав неважными все увечья, которыми наградила его природа: Филиппо Мария стал герцогом Милана. Теперь он не просто носил это имя, но правил на самом деле. Он изучил своих врагов, как явных, так и тайных — гораздо более опасных, тех, что плели против него интриги, улыбаясь и расточая любезности, — и понял, что доверять нельзя никому. До поры до времени Филиппо Мария затаил обиды в душе, являя себя рассудительным и миролюбивым юношей, благосклонно принимающим решения Совета двенадцати. Будто послушный ученик, он старательно следовал наставлениям придворных политиков, словно крупицам истинной мудрости. Тем временем подозрительность и ожесточение все прочнее пускали корни в его черном сердце, твердом, как скала.

Вот так постепенно в течение шести лет, пока к нему относились с обидной снисходительностью, поглядывая свысока и не подозревая о глубине его ярости, Филиппо Мария заточил клинок своей мести.

А потом все изменилось вновь: он познакомился с фрейлиной своей супруги, намного красивее самой Беатриче. Звали даму Аньезе дель Майно. У нее были длинные светлые волосы и голубые глаза — совсем как небо, которое теперь уже сменило цвет, избавившись от последних всполохов зари. Как же он мог не желать Аньезе — создание, полное огня и страсти? Стоило ему лишь взглянуть на нее, как кровь закипала в жилах. Как только герцог понял, что Аньезе умеет видеть больше, чем доступно взгляду, что она почувствовала его стремление к власти и готова стать частью его жизни, чтобы однажды взойти на вершину вместе с ним, он предложил ей все, чем располагал. Она же крепко держала его меж своих упругих сильных бедер и любила до безумия. Ночами, полными страсти и неистовства, блаженства и иступления, когда он овладевал ею, наконец-то чувствуя себя мужчиной, она нашептывала ему на ухо коварные слова, и постепенно они сложились в изобретательный план.

А затем с помощью Аньезе Филиппо Мария претворил его в жизнь. Он обвинил Беатриче в том, что та нарушила обет супружеской верности, изменив ему со своим слугой по имени Микеле Оромбелли. Она все отрицала. Он назвал ее клятвопреступницей и прелюбодейкой, которая не заботится о законном продолжении рода своего герцога. И без малейших сомнений вынес ей приговор. Сначала Филиппо Мария заточил в темницу Оромбелли. После короткого разбирательства, представлявшего собой лишь видимость, солдаты герцога казнили слугу на глазах у Беатриче и отправили на корм собакам. Неверную супругу отправили в замок Бинаско и оставили там в ожидании казни.

И вот этот день настал.

Филиппо Мария посмотрел вдаль. Затем, с ненавистью взглянув на множество ступеней, решился сойти вниз. С огромным трудом герцог наклонился и поднял костыли, после чего злобно сплюнул и с невероятными усилиями начал долгий спуск.

* * *

Когда Беатриче вывели на улицу, ее встретила тишина. Здесь не было жаждущей крови толпы — только пустой двор, покрытый смесью снега и грязи. Солдаты герцога возвели небольшой деревянный помост, на который установили плаху. Палач с огромным топором в руках уже поджидал приговоренную. Франческо Буссоне по прозвищу Карманьола, капитан миланского войска, следил, чтобы все шло без задержек. Этот высокий мужчина с длинными каштановыми волосами и тонкими усиками был тверд духом, верен престолу и готов на все, чтобы отвоевать утраченные земли герцогства.

Филиппо Мария увидел Беатриче такой же, как всегда: даже на пороге смерти она держалась высокомерно; ее надменный, гордый взор был тверд, будто лезвие ножа. Герцог посмотрел ей прямо в глаза и почувствовал удовлетворение оттого, что смог выдержать ее взгляд. Он улыбнулся. Беатриче не удостоила его ни единым словом. Она не пыталась освободиться и не оказала ни малейшего сопротивления, когда солдаты схватили ее за руки и швырнули под ноги палачу.

Тот грубо толкнул женщину, заставил положить голову на плаху и крепко привязал несколькими оборотами веревки.

Солнце пронзило пелену облаков.

Молочный свет слабых зимних лучей рассеялся по двору. Беатриче продолжала смотреть прямо на своего мужа: она не произнесла ни слова, но вместе с тем и не отворачивалась, будто сковав невидимой цепью свои и его глаза.

Палач поднял огромный топор у нее над головой.

Даже в чести умереть от меча ей было отказано. Филиппо Мария приказал палачу взять именно топор — орудие, подходящее для свиней и таких потаскух, как Беатриче.

Герцог Милана навалился на деревянные костыли с такой силой, что их основания вошли в землю. Он с наслаждением смотрел на происходящее. Ему пришлось слишком долго ждать, и сейчас он не собирался упускать ни единого мгновения казни.

Палач резко обрушил громадный топор на жертву. Лезвие разрубило шею с первого удара. Фонтан темной крови хлынул алым потоком. Отделенная от тела голова отлетела в сторону, прокатилась по доскам эшафота и свалилась на землю, перемешанную с грязным снегом.

Филиппо Мария приблизился к голове Беатриче. Он увидел выпученные глаза и открытый рот с посиневшим языком. Герцог бросил на землю один из костылей, свободной рукой подхватил за волосы отрубленную голову, из которой еще сочилась кровь, и медленно пошел прочь, оставляя на снегу алый след.

Филиппо Мария направлялся к свинарнику.

ГЛАВА 1

ШМЕЛИНОЕ ГНЕЗДО

Миланское герцогство, Маклодио

— Не согласен. — В глазах Анджело делла Перголы сверкнула молния. — Мне кажется, Карманьола не станет атаковать нас в ближайшее время.

— Почему же вы так считаете? — спросил Франческо Сфорца. В его холодном взгляде невозможно было прочесть никаких эмоций. В тоне вопроса, однако, слышалось любопытство, как будто его и в самом деле интересовало мнение старого кондотьера.

— Судите сами: он одержал победу в Соммо, но потом отступил на этот берег Ольо, хотя мог бы продолжить наступление, — с готовностью пояснил Анджело.

Молодой Сфорца разочарованно покачал головой, словно ответ не оправдал его ожиданий.

Делла Пергола терпеть не мог Франческо Сфорцу. Кондотьеру пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не разразиться гневной отповедью. Этот зеленый капитанишка вел себя совершенно непозволительным образом. Юношеское нахальство сочеталось в нем с завидным самообладанием, что позволяло Сфорце сохранять спокойствие в любых обстоятельствах. С помощью этих качеств он ловко

управлял решениями Карло II Малатесты, недавно поставленного во главе миланской армии. Малатеста тоже был здесь: слушал их пререкания и посмеивался.

Но Анджело не для того сражался все эти годы в снегу и грязи, чтобы теперь стать игрушкой в руках двух мальчишек, думающих лишь о том, как поскорее отхватить свой куш.

— Неужели вы не видите, что мы находимся в самых ужасных условиях, какие только можно себе представить? — обратился он к обоим юнцам. — Мы на равнине, покрытой болотами и лужами с ледяной водой, и на этой отвратительной местности нам придется сражаться с таким опытным военачальником, как Карманьола! Причем у нашего противника, если вспомнить его прошлое, есть все причины избегать столкновения с нами.

— А я думаю, это как раз повод разгромить его. Наш враг колеблется — ну и прекрасно! Мы уничтожим его вместе со всем его войском и завоюем легкую победу во имя Филиппо Марии Висконти! — воскликнул Малатеста. — Чего еще вы собираетесь дожидаться? — с негодованием спросил он.

Анджело делла Пергола не верил своим ушам. Только посмотрите на них: два сопляка, совершенно не способных хоть немного подумать головой. И он — весь в увечьях и шрамах, с вечной болью от скверно зашитых ран и старых переломов. Он-то всякого повидал за свои пятьдесят два года! И знает, что сейчас стороны находятся в классическом выжидательном положении, когда никто не решается атаковать. Тот, кто нападёт первым, сам себе выроет могилу. Случаев, которые это подтверждают, хватило бы на целую книгу, если бы Анджело умел писать. Но сейчас он ничего не мог поделать: все доводы разбивались о стену недоверия и упрямства, воздвигнутую двумя молодыми военачальниками.

— Похоже, вы боитесь, Анджело? — с издевкой спросил Карло Малатеста. — Если дело в этом, я могу вас понять.